

АННА МИЧИ

ТЫ МОЙ ЯД,
Я ТВОЕ
ПРОКЛЯТИЕ

18+

Анна Мичи

Ты мой яд, я твоё проклятие

«Автор»

2018

Мичи А.

Ты мой яд, я твоё проклятие / А. Мичи — «Автор», 2018

Я дочь графа Рейборна, сильнейшего мага Диомеи, Хранителя Хрустального Жезла. Многие жаждут его крови, его положения, его силы. Но до сих пор он выходил победителем из любых передраг. Пока я, его единственная дочь, не оказалась во власти его злейшего врага.

© Мичи А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Тинна	5
Сейдж дин Ланнверт	10
Тинна	12
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анна Мичи

Ты мой яд, я твоё проклятие

Тинна

– Тинна, ты точно не хочешь переехать ко мне? – спросил отец, уже стоя внизу, на земле. Капюшон прикрывал его лицо, но голос был встревожен.

Я с виноватой улыбкой покачала головой. Не перееду, и он отлично знал почему: бабушка посчитает это предательством.

Чудо уже то, что она не мешает нам иногда встречаться, хоть каждый раз и уходит при этом из дома.

– Я бы смог признать тебя, представить обществу. И защитить куда надёжнее.

– Не волнуйся. Я всё равно скоро уеду.

– Это меня тоже огорчает, – не преминул напомнить отец. Не дожидаясь ответа: знал, что ничего нового я не скажу, – поправил капюшон и отвернулся.

Я провожала взглядом его высокую прямую фигуру, пока он не исчез за калиткой. Мне было очень жалко его, стоило подумать, как он живёт там у себя один, в его огромном пустом замке, но я не могла разорваться. Бабушка, отчим, Айлес, который ждёт моего возвращения... нет, как ни жаль мне было отца, я слишком сильно прикипела к той, другой жизни, чтобы бросить всё и уйти к нему.

Тем более после того, как десять лет от него не было ни единой весточки.

Мать никогда не говорила, почему рассталась с отцом, она не терпела даже упоминания его имени. Но мне казалось, он мог попытаться связаться хотя бы со мной.

Наверное, если бы не её болезнь, мы с отцом так никогда и не встретились бы снова. Только в последней надежде на спасение она разрешила мне привезти её сюда и обратиться за помощью к отцу. Но спасти маму не удалось, было уже слишком поздно.

Даже сильнейший маг Диомеи иногда бывает бессилён.

Калитка чуть слышно хлопнула. По телу прокатилась волна магии: охранные заклинания. Отец накладывал их сам, утверждая, что это самое малое, что он может и обязан сделать для нас. Бабушка позволила, вернее, сделала вид, что не заметила, только потом пригнала наёмного мага и заставила перепроверить.

Повернувшись, я хотела было войти в дом, но тут заклинания среагировали снова. Отец что-то забыл? Вряд ли это бабушка, она вернётся только завтра.

Люди в чёрном, выросшие передо мной, как из-под земли, стали ответом. Снова полыхнула магией. Я хотела закричать, но горло не повиновалось. Ноги тоже. А потом тьма затопила сознание, и я упала прямо на руки неизвестных.

Ограбление?.. Или... похищение?

Я пришла в себя лёжа на кровати. Не сразу поняла, в чём дело, где я нахожусь. Судя по всему, это была комната в богатом доме. На широкой двуспальной кровати атласные покрывала, на стенах роскошные тёмно-красные с золотым узором обои, изящная мебель из светлого дерева.

Это не дом отца.

Поначалу у меня мелькнула робкая мысль о том, что отец, отчаявшись дождаться, когда я соглашусь переехать к нему сама, просто взял и похитил меня. Но нет, вся эта комната свидетельствовала, что это не так.

Я, правда, не была в замке лет десять, но там никогда не было настолько светлых, открытых комнат с широкими окнами, с этими ажурными узорами на спинке кровати, на опорах балдахина, даже на столике рядом. Замок отца был построен три столетия назад и мебель там была дубовая, способная выдержать удар молотом.

Мысли путались от головной боли. Во рту было так сухо, словно меня неделю не поили. Зато на столике рядом с кроватью обнаружился высокий графин с водой и услужливо оставленным стаканом.

Я присела, опираясь на спинку изголовья, и потянулась к графику. Надеюсь, это не ловушка и не яд. Хотели бы убить – уже убили. На всякий случай я проверила воду магией, но ничего не нашла.

Вдоволь напившись, я встала и обошла комнату. Сразу поняла, что на окнах стоят чары. Ставили их явно на скорую руку, но делал это человек умелый. Не открыть, не выплунуть и, естественно, не вылезти. Я повозилась немного, пытаюсь их снять или хотя бы ослабить – не вышло.

Тогда попыталась рассмотреть, что там снаружи. Зелень и цветущие деревья, круглый фонтан, расплёскивающий радужные капли. Похоже на частный парк. Негусто.

Я вернулась к двери. Осторожно нажала на ручку, попробовала открыть. Так и думала, заперто. Вернулась к кровати, села. Что происходит? Зачем меня похитили? Выяснили, чья я дочь?

Это самое вероятное. И моя единственная ценность. Похитить меня, чтобы шантажировать отца – или чтобы убить в качестве мести. И я не знаю, что хуже.

Отец в своей жизни немало шагал по чужим головам. Врагов у него немерено. Недаром он так упрашивал меня всё же переехать к нему, а я, дурында, решила, что раз за полгода никто ничего не пронюхал, доживу уж и до отъезда спокойно. Вот теперь и метайся по комнате, как тигр по клетке.

Я действительно ходила туда-сюда, невольно ломая руки. На магию полагаться нет смысла, амулет связи с меня сняли, пока я была в обмороке. Сняли и все другие защитные и атакующие заклинания, даже те, что были тщательно скрыты иллюзией.

Да, тут точно замешан умелый маг. Может быть, почти такой же умелый, как мой отец.

При этой мысли по спине пролился ручеек холодного пота. Кто же он, этот неведомый маг? Соперник отца? Мне казалось, все маги страны давно смирились с первенством графа Рейборна.

Тут в коридоре послышались шаги.

Снова напомнив себе тигрицу, я метнулась к кровати. Встала сзади, в обнимку со столбиком балдахина, так, чтобы видеть входящего и одновременно чтобы не быть сразу им замеченной. Но предосторожности показались смешными, когда в дверь постучали и мягкий женский голос спросил:

– Неиди... вы проснулись? Позвольте войти.

Служанка. Судя по тону, по этой привычно подчинённой манере обращения. Обычная служанка, которую послали за мной.

Я ничего не ответила, но через пару секунд замок открылся и дверь распахнулась. На пороге и впрямь оказалась девушка в типичном платье горничной: тёмно-серое платье до полу, чистый передник и чепец.

Она растерялась, не обнаружив никого на кровати, кажется, даже испугалась. Шагнула вперёд с обеспокоенным выражением лица, но тут же остановилась, заметив меня. Согнулась в поклоне.

– Прошу прощения за беспокойство, неиди. Прошу вас проследовать за мной.

Что ж, делать нечего. Надо пойти, встретиться наконец с хозяином дома и узнать, что от меня хотят. Надеюсь, пытать не станут.

Скрывая дрожь в руках и стараясь прямо держать спину, я кивнула и величественно вышла из комнаты. Служанка семенила чуть позади, мягко подсказывая, куда нужно свернуть.

– Чей это дом? – спросила я как бы невзначай.

– Простите, нейди, мне не позволено отвечать на ваши вопросы.

Что ж, я не особо-то и надеялась.

Наш путь завершился в маленькой столовой: высокий длинный стол, рассчитанный персон на десять, в конце зала камин, над которым тускло сияет зеркало. А у окна, заложив руки за спину, стоит одетый по последнему слову моды высокий широкоплечий мужчина.

Услышав наши шаги, он обернулся. Я сразу отметила чувственный, изогнутый очерк верхней губы – и контрастирующий с этой чувственной мягкостью холодный, злой, презрительный взгляд. Мужчина был хорош собой, но взгляд пригвождал и резал с ледяной бесстрастностью учёного. На миг мне показалось, что ветер донёс запах болота и тошнотворно-притягивающий аромат адолеев – ядовитых цветов Лавранта. Я тут же мысленно обругала себя: какой ветер в закрытом помещении?

– Можешь идти, – сказал он служанке.

Я ждала, что он позволит мне сесть (опуститься на стул самой стало бы однозначным вызовом хозяину дома, пусть он и похититель) – но он смотрел на меня молча, чуть раздувая ноздри. Наконец сказал свысока, как будто оценил меня, измерил и вынес вердикт:

– Вот, значит, каких шлюх теперь предпочитает Рейборн? Знакомый типаж. Но я не ожидал, что он опустится до настолько молоденьких. Сколько тебе? Семнадцать? Шестнадцать?

Поначалу его слова хлестнули меня, как плетью. Меня никогда не называли подобным словом, я даже представить себе не могла. Но потом – потом я обрадовалась.

Он считает меня любовницей отца, а не дочерью. Осталось убедить его в том, что отец ничуть не дорожит мной. Подумаешь, любовницы – их по десятку на медяк.

И с моим возрастом он сильно промахнулся. Мне уже двадцать, хотя лицо и правда немного детское. Но это тоже на руку: чем младше я выгляжу, тем менее опасной меня будут считать.

Я промолчала. В его глазах что-то изменилось. Он окинул взглядом мою фигуру, вернулся к лицу. Сделал несколько шагов и опустился на стул во главе стола. Я продолжала стоять, расправив плечи.

Он молчал, рассматривая меня – не так, как принято в обществе, а так, как мужчины рассматривают гулящих женщин. Пристально, свысока, но с хищным блеском в глазах. Я почувствовала, как вспыхнули щёки. Раскрыла рот:

– Что вам нужно от меня?

– Давно ли ты спишь с Рейборном? Можешь сесть.

– Я не хочу отвечать на ваши вопросы. Тем более такого рода.

Приглашение сесть я тем не менее приняла. Неприятно было стоять перед ним навтыжку, под этим его наглым, ощупывающим взглядом.

Мужчина неожиданно рассмеялся. У него был странный «кхакающий» смех – с ярко выраженной «к» в начале, что-то вроде: «Кха-ха-ха». Почему-то этот смех мне понравился. Я мысленно упрекнула себя в беспечности.

Мой похититель вскочил, подошёл ко мне и встал сзади. По коже побежали мурашки от ощущения его присутствия. И странный запах вблизи стал заметнее. Не показалось. Этот запах был не то что неприятен – от него подпирало горло. Разум твердил: опасность. Я смотрела прямо перед собой и напряжённо ждала, что мне скажут.

– В твоих интересах, девочка, ответить на любой вопрос любого рода. Если ты хочешь жить, – сильные пальцы больно впились в плечо.

Я невольно бросила взгляд на его руку. Крупные пальцы, широкие костяшки, извивающиеся змеями вены... а на среднем пальце большой сапфир. В глубине его переливалась чёрная дымка, заманивая и увлекая.

На миг у меня потемнело в глазах. Ядовитый запах адолеев стал сильнее, закружилась голова, мне показалось, я стремительно падаю в чёрную бездну. Пришлось изо всех сил впиться ногтями в мякоть ладоней, чтобы хоть немного прийти в себя.

Что это? Это не обычная человеческая магия... это что-то потустороннее, чужое. Как будто... демоническое. Боги, неужели он продал душу чёрной магии?

Мне стало легче, когда он отошёл. С быстро бьющимся сердцем я следила за его высокой фигурой. Судя по всему, я оказалась права: он враг отца. И если мои предчувствия хоть чего-то стоят, действительно опасный враг. Надеюсь, отец что-нибудь придумает.

Вернувшись на место, мужчина снова устремил на меня ледяной взгляд. Спросил:

– Как часто он к тебе приходит?

Я сделала небольшую паузу, а потом заговорила, стараясь создать образ запуганной провинциалки:

– Он не предупреждает заранее. Это всегда внезапно. Он очень занятой человек. Обычно мне приходит послание, и если я свободна, я отвечаю да. Но даже тогда он может прийти, а может и не прийти.

Мужчина нахмурился:

– Не заговаривай зубы. Я спрашиваю, как часто это происходит.

– Нет никакой определённой частоты, – я смело взглянула ему в лицо. – Он может не появляться месяц, а может навестить меня два дня подряд.

Он выругался сквозь зубы. Потом добавил:

– Вызови его сама.

За внутренности словно ледяная рука схватила. А вот это уже беда. Отказаться они не позволят, надо каким-то образом предупредить отца.

– Я... я могу это сделать, но я не знаю, придёт ли он...

Мужчина ощерился, снова засмеялся своим странным кашляющим смехом:

– Можешь и сделаешь. Остальное не твоего ума дело. И если ты думаешь, что сможешь каким-то образом предупредить его, вынужден огорчить. Я навешу на тебя амулет подчинения.

– Вы с ума сошли?!

Боги, да к кому я попала? Он преступник, мятежник, убийца?! Это запретные чары. Мало того что они заставляют человека поступать так, как надо хозяину, так ещё и разрушают личность, превращают человека в идиота. Пусть не сразу, но... где гарантия того, что они его с меня снимут?

– Вы... вы думаете, мой... – я вздрогнула, опомнившись. Бросило в жар. Я чуть было не сказала «отец». Вот это был бы финт. – Вы думаете, такой сильный маг, как граф Рейборн, не заметит, что я под заклятием подчинения? Вы его недооцениваете.

Мой ответ явно зародил в нём сомнение. Глаза недобро сузились, он положил руку на стол, опёрся подбородком и не сводил с меня холодного взгляда. Солнечный свет падал ему на волосы, и они отливали настоящим золотом.

Красив. Не как картинка, а как мужчина – сильный, мощный, опасный, как дикий зверь. И какие губы... редко у кого встречается такой чувственно-порочный изгиб.

Боги Авендаса, Тинна! Приди в себя. Ты в беде, а занимаешься тем, что рассматриваешь похитителя. Шантажиста. Врага отца. Что с тобой вообще такое?

Или... он воздействует на меня?

Вполне может быть. И даже наверняка – использует направленную магию, заставляет поддаться его ауре.

Я сделала под столом жест отрицания. Этот мужчина видит во мне безмозглую куклу, содержанку отца, и не подозревает, что у меня тоже есть дар, пусть и небольшой, мирный и домашний. Но защитить себя на минимальном уровне я могу. Вот только надо притвориться, что его магия на меня действует.

Я облизнула губы, обмахнулась так, словно мне вдруг стало жарко. Поменяла позу, усаживаясь более расслабленно, лёгким жестом поправила ленты на груди. Похититель проследил это движение взглядом, и я про себя возликовала.

И всё же интересно, кто он такой? Враг отца, это ясно, маг, соперник на профессиональном поле... но всего этого разве достаточно для того, чтобы похищать людей и угрожать навесить на них амулет подчинения?

– Он ваш враг? – осмелилась я спросить напрямую.

– Заткнись, – бросил он грубо. – Не твоё дело, подстилка.

Зародившаяся было симпатия тут же исчезла. Я выпрямилась, сжала зубы. Не отвечу теперь ни на один вопрос, пусть хоть пытается.

Но больше вопросов мне и не задавали. Мужчина позвонил в колокольчик, прибежала та же служанка, и он велел отвести меня назад в комнату.

Мы молча шли по коридорам, служанка, как и в тот раз, чуть сзади, я впереди. Преодолели, по моим меркам, половину пути, когда я решила, что можно действовать. Собрала все силы, вплела их в заклинание оглушения, обернулась и набросила его на девушку. Та пошатнулась, ахнула, закатывая голубые глаза, и повалилась на пол.

Получилось!

Сердце колотилось у меня в ушах, но действовать нужно было быстро. Собрав все силы, я затащила неожиданно тяжёлую девушку за портьеру, чтобы не сразу нашли, и стремглав помчалась прочь. Где-то я видела лестницу вниз... вот она!

Я спускалась быстрым шагом, подобрав юбки, сделав независимый и занятой вид. На пути встречались слуги, но меня никто не останавливал. Не знают, что в доме пленница?

В любом случае, нужно было торопиться. Скоро моему похитителю доложат, что по дому бродит незнакомка, или служанка придёт в себя и поспешит с повинной. Шанс был только один, и я мысленно молилась своей покровительнице святой Миене, чтобы она не оставила меня в трудном положении.

Святая услышала мои просьбы, и в холл я спустилась беспрепятственно. Он был довольно большой, отделанный в тёмных тонах, но через роскошные дубовые двери пробивался яркий свет. Невольно захватило дух. Неужели свобода так близко? Я сорвалась с места, подбежала, толкнула тяжёлую створку.

– Молодая нейди? – мужской голос настиг меня на пороге.

Сейдж дин Ланнверт

Во имя Райаса, что за идиоты у меня служат, зачем они вообще её притащили? Прохlopали такую прекрасную возможность схватить Рейборна – ладно. Так нет чтобы тихо-мирно уйти, навестить дом в другой раз и тогда уже взять Рейборна за жабры – они схватили его содержанку и привезли сюда, как будто так и надо.

Рейборн всегда ревностно защищал личную жизнь. Столько труда ушло на то, чтобы вообще выяснить, куда и зачем он навевывается, а теперь по глупости исполнителей весь план пошёл прахом.

И что с ней делать? Прока от любовницы никакого, разве что Рейборн и впрямь любит её и готов ради неё на всё. Но женщины для этого сукина сына – ничто, ветошь. Выходит из строя одна – с лёгкостью заменяет другой. И хорошо, если при этом не навешивает на бывшую смертельное проклятие.

Девчонка совершенно бесполезна. Единственное, на что она годится – так это на то, чтобы и в самом деле навесить на неё амулет подчинения и дать приказ убить Рейборна. Но это нужно делать немедленно, пока он не пронюхал, что любовница исчезла из гнёздышка, пока старуха-компаньонка не подняла шум.

Вот только у этого варианта есть два недостатка. Первый – Рейборн и впрямь может понять, что она под действием амулета. Если так – никто не знает, что он способен вытянуть из этого амулета: построить обратную связь, пустить проклятие. Этого скользкого изворотливого змея нельзя недооценивать.

А второй недостаток – не хочется опускаться до использования женщины. Запретные чары сами по себе – ерунда, давно не пугает. В конце концов я уже фактически отдал душу тому, что запретно само по себе.

Но и отпускать девку не хочется. Даже не то чтобы не хочется – нельзя. Рейборн сразу будет знать всё. Нет, ей уже никогда отсюда не уйти. Разве что только после его смерти.

Почему-то эта мысль меня обрадовала. Что-то тёмное в глубине души жадно усмехнулось. Воображение, как по заказу, выдало образ девчонки.

Очень молоденькая, аж трясёт при мысли, что старый хрыч Рейборн трахает вот таких, юных. Покупает их десятками, небось, и каждую держит в таком же укромном домике, под присмотром старухи.

И одновременно – претит признаться даже самому себе, но – вынужден согласиться, что вкус у старика вполне. То невинное личико в сочетании с пышной грудью, с манерой держаться, её распущенные по-домашнему локоны, полные губы, которые так и хочется смять в поцелуе...

Явная куртизанка, всё оружие, дарованное женщине, она использовала с умом и с заметной сноровкой. В обычном домашнем платье держалась как королева. И пыталась соблазнить меня, то губы облизнёт, то взгляд бросит из-под ресниц. Может стать, я даже соблазнился бы... не знай, что её притащили сюда напрямиком из-под Рейборна.

Отомстить сукину сыну.

Я жил этой мыслью двадцать лет. Можно сказать, я выжил благодаря ей: в приюте, среди уличной шпаны, жестокой, как жестоки молодые волки. Потом – среди магов, где конкуренция была не меньше и не мягче, а проигравшие шли на дно с такой же лёгкостью, как на улице. Но я прошёл через это, выжил во всех кознях, вырос, выучился, зубами выгрыз всё, что сейчас имею. Ради того, чтобы в один прекрасный день увидеть, как меркнет свет в глазах Рейборна.

И теперь, когда только шаг отделяет меня от исполнения этой мечты – теперь нужно быть во сто раз осторожнее, чем прежде.

– Мессир Сейдж! – голос дворецкого нарушил мои размышления.

Слух уловил слишком взволнованные нотки в привычном обращении и слишком быстрые движения ног. Что-то стряслось.

Я напрягся. И почему-то не слишком удивился, когда дворецкий втащил за собой служанку. Не помню, как её зовут, Мэй, Вэй. Девушка была растрёпана, испугана, вся в слезах. Завидев меня, упала на колени:

– Простите, ваше сиятельство! Не знаю, что случилось! Когда я очнулась, её уж и след простыл!

Твою мать!

Я взмахнул рукой, подавляя вспыхнувшую мгновенно, ярим огненным факелом, злобу. Отвернулся, краем глаз замечая, что дворецкий вытаскивает опростоволосившуюся девицу прочь, а та кричит и умоляет о пощаде.

Глупая гусыня, воображает, что я стану придумывать ей наказание. На кону совсем другие вещи.

– Фараиту!

По жилам пролился огонь, заплясал на коже обжигающими всполохами. Боль, как всегда, пришла внезапно, как всегда, острая, пронизывающая, сводящая с ума. Я стиснул зубы, чтобы не вырвалось ни звука. Надо перетерпеть лишь немного. Такова плата.

– Найди её!

Тинна

– Молодая нейди?

Я застыла. Бежать стремглав? Нет, там ещё невесть сколько тянется проклятый парк. Запутаюсь в юбках, мужчина сразу нагонит. Надо сделать вид, что я здесь гостя.

Я обернулась. Приняла вид невинный и дружелюбный, раскрыла глаза пошире, опустила подбородок, чтобы казаться ещё младше и глупее.

Хм. А здесь прямо рассадник интересных мужчин.

В глубине зала стоял брюнет в тёмно-коричневом костюме для верховой езды, в руке держал хлыстик и слегка похлопывал им по ладони. Гладкие волосы зачёсаны назад, но не видно ни следа воска, естественная причёска. И взглядом сверлит, почти как тот. Только у того были светлые пронзительные глаза, а у этого чёрные, как две маслины. И взгляд скорее удивлённый, чем подозрительный.

– Добрый день, уважаемый нейд, – я присела в книксене.

– Прошу прощения, что остановил. Не имею чести быть с вами знакомым, я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Я дальняя родственница хозяина, – мысль пришла внезапно. – Меня зовут Келина.

Первое попавшееся диомейское женское имя.

– Нейди Келина дин Ланнверт?

Дин Ланнверт! Очевидно, это фамилия хозяина дома, моего похитителя, судя по приставке «дин». Её даровали выпускникам магических академий, у которых не было собственного титула.

Вот только его фамилия мне, к сожалению, ничего не говорила. Впрочем, неудивительно, я не жила в Диомее уже много лет.

Я кивнула. Опустила взгляд, делая вид, что смутилась. Впрочем, под горячим восхищённым взглядом я и впрямь немного смутилась. Слишком давно не выходила в свет и не общалась ни с кем, кроме родных.

– Нейди направляется на прогулку? Я могу составить компанию?

Идея вспыхнула, как молния.

– Я... я хотела бы поехать в город. Вы могли бы меня отвезти?

Он явно удивился, но, как полагается хорошо воспитанному нейду, ответил:

– Почту за честь.

Я рисковала, но мне казалось, это оправданный риск. Сама я отсюда не выберусь. Остановят, задержат, зададут вопросы, на которые я не смогу ответить.

В компании же этого нейда меня вообще не заподозрят, вот только нужно, чтобы ничего не заподозрил он сам. Но роль провинциалки я сыграю запросто.

Мы вышли на улицу, нейд попросил меня немного обождать – и пригнал огромный чёрный, блестящий, с ослепительно сверкающими хромированными деталями мобиль. Я чуть не ахнула. О мобилех я только слышала, их только-только начали выпускать в продажу.

И особняк, и этот мобиль явно свидетельствовали о том, что нейд дин Ланнверт, кем бы он ни был, обладает изрядными богатствами. Даже если мобиль принадлежит не ему самому. Но герб на дверце мобиля и изображение на дверях особняка – два льва на задних лапах, держащие щит с буквой «Л» – были идентичными.

Черноволосый нейд сам управлял мобилем. Управлял с лёгкостью, было видно, что это дело привычно ему. Поглядывал на меня, явно хотел начать разговор, но я притворялась, что полностью поглощена мягким ходом мобиля, его внутренней отделкой, красотами природы,

величаво проплывающими мимо. Изю всех сил играла роль глуповатой восторженной провинциалки. А сама лихорадочно размышляла.

Моя идея сработала. Ворота поместья охранялись, но сопровождающий меня нейд лишь поднял руку, приветствуя охранников, и резные чугунные створки начали медленно раскрываться. На меня даже взгляда лишнего не бросили.

А потом мы выехали на дорогу, и, глядя на бескрайние, тянущиеся до горизонта поля и тёмную кромку леса по левую сторону, я снова возблагодарила святую Миену. Не иначе как покровительница осенила меня благодатью, заронив в голову мысль попросить незнакомого нейда отвезти меня. Иди я пешком, даже если каким-то чудом мне удалось бы выбраться за пределы поместья, я неминуемо заблудилась бы или попала бы в руки недобрым людям.

Что ж, моё спонтанное решение было удачным, теперь дело за следующим шагом. Нужно не молчать, а по возможности использовать ситуацию. Отец часто говорил, что тот, кто владеет информацией, владеет всем.

Я бросила взгляд в сторону нейда, наткнулась на поблёскивающий любопытством встречный, наивно улыбнулась и спросила:

– Вы друг нейда дин Ланнверта?

Тот улыбнулся:

– Можно сказать и так. Друг, соратник, приближённый. А вы? Гостите здесь?

– Да, я приехала издалека... – я опустила глаза. – Я на самом деле плохо знаю нейда дин Ланнверта, у нас довольно дальнее родство. Но он оказал мне услугу, позволив временно остановиться у него. Но хватит обо мне, давайте лучше поговорим о вас. Вы тоже маг?

Я была почти уверена в отрицательном ответе, даже не знаю почему. Он выглядел как человек, чьё оружие – пистолет, не магия. Надёжный, спокойный, большой, можно сказать, даже уютный. Он напомнил мне Айлеса.

Не то что тот, светловолосый, от которого за милю несло страхом, болью и смертью.

Но черноглазый нейд кивнул:

– Да, но и вполонину не такой сильный.

– О, – я скрыла удивление, сделала вид, что восхищена. – Магия – это же так чудесно! Вы, должно быть, так много знаете! А как... как же вас зовут?

Восторги наивной провинциалки вызвали у него усмешку. Я сама часто слышала, как с придыханием обсуждают чей-нибудь магический талант мои соученицы в пансионе, так что ляпнуть что-то в подобном стиле не составило никакого труда. И ещё мне не раз приходилось бывать на другой стороне, когда одна лишь твоя принадлежность к миру магов вызывает в собеседнике благоговение, так что я прекрасно понимала его усмешку.

– Моё имя Ард дин Койоха, нейди Келина. Я могу звать вас так?

– Если пожелаете. Но расскажите же больше о себе. Где вы познакомились с нейдом дин Ланнвертом? Учились вместе?

Выведать удалось не так много, но в данных обстоятельствах любая крупница была дорога.

Нейд дин Койоха охотно отвечал. Да, они действительно учились вместе, а ещё сражались вместе в Вандае, восстанавливая власть Диомеи на территориях.

Я помнила этот конфликт, он случился ещё тогда, когда я жила здесь. Отец говорил, туда сослали всё пушечное мясо из магических академий.

Как подобает провинциалке, я похлопала ресничками и восторженно выдохнула:

– О-о-о, вы настоящий герой!

Нейд дин Койоха довольно улыбнулся. Бросил на меня очередной взгляд, который задержался на лентах моего корсажа чуть дольше, чем это позволяют правила приличия.

Кажется, он не прочь приударить за родственницей «друга и соратника». Жаль, что маску Келины не получится сохранить. Было бы здорово встречаться с ним иногда и выведывать, что происходит в особняке дин Ланнверта.

– А... – очередной вопрос я задать не успела.

У меня вдруг застучало в висках, перед глазами заплясали чёрные пятна. Снова показалось, что я сижу на стуле в столовой, а вокруг расплывается, тревожа и туманя зрение, недужный запах адолеев.

Рядом раздался вскрик дин Койоха, мобиль занесло, я вытянула руки вперёд, неловко ударилась о приборную доску, хорошо хоть не лбом угодила. Что-то сине-голубое, светящееся, как блуждающие огни, пронеслось перед мобилем, вспыхнуло злобной радостью, и я услышала рычащий голос – или не голос, а мысль, переданную напрямую в сознание: «Нашёл-л!»

Мир вокруг завертелся, к горлу подкатила тошнота, всё тело стало как ватное, словно некто мгновенно высосал из меня всю энергию – и в следующий миг меня накрыла благословенная тьма.

Когда я пришла в себя, я испытала сильнейшее чувство дежавю. Я снова лежала на кровати в той же самой комнате с изящной мебелью и высоким, до пола, окном. Слава богам, на этот раз хотя бы не болела голова, но поднималась я всё равно осторожно. Села на кровати, повертела головой по сторонам.

Но нет, по сравнению с прошлым разом в комнате всё же кое-что изменилось. В окна светило закатное солнце – а на столике рядом с кроватью кроме графина с водой меня ждала сложенная пополам записка.

Я схватила её, развернула и словно услышала издевательский голос дин Ланнверта:

«Надеюсь, прогулка вам понравилась. Я не буду наказывать вас за побег, потому что считаю, он ясно показал вам: сбежать от меня невозможно. Но если вы ещё раз предпримете подобную попытку, предупреждаю: в следующий раз пощады не будет.

Сейдж дин Ланнверт».

Я смяла записку, чувствуя прилив неожиданного, но очень яркого гнева. Этот... похититель, преступник, убийца – ещё и подписался, словно показывая, что не боится разоблачить своё инкогнито.

Ну погоди, Сейдж дин Ланнверт. Ты ещё узнаешь, на что способна Тинна Амелис эс-Рейборн, единственная дочь графа Рейборна.

В этот момент, подогревая так и не оставившее меня ощущение дежавю, в коридоре послышались шаги. Я настороженно уставилась на дверь. А вот и стук – и опять деликатный, одними костяшками, два раза.

– Войдите, – крикнула я, не дожидаясь слов.

Дверь тихо отворилась. На пороге стояла горничная. Та же. Глаза покраснели и припухли, похоже, она долго рыдала. Но, по крайней мере, жива-здорова и по-прежнему выполняет свои обязанности. Мне почему-то стало легче, что её не сильно наказали за мой побег.

– Его сиятельство ожидает вас на ужин, – поклонившись, сказала горничная.

Во рту у меня пересохло, сердце бешено застучало. Кровь прилила к лицу, и я рассердилась на себя и на проклятого мага, вознамерившегося играть со мной в кошки-мышки.

Поднялась с кровати, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица:

– Что ж, ведите.

Я думала, ужин состоится в той же столовой, в которой меня допрашивали днём, но мы отправились совсем другой дорогой. Спустились по лестнице на один пролёт и, судя по виду из окон длинного просторного коридора, сейчас шли в другое крыло здания.

– Куда мы идём? – я почти не надеялась на ответ, но всё же спросила.

– Его сиятельство ожидает вас в своих покоях.

Этого ещё не хватало. Я встревожилась. Ужин в личных покоях мужчины? Ещё и наедине?

Учитывая то, что он считает меня содержанкой, выглядит более чем фривольно. Надеюсь, он не посмеет распусть руки.

Когда мы добрались до места, мне стало ещё больше не по себе, стоило только войти и оказаться в таинственном интимном полумраке. Только низко опущенная люстра горела над столом, вся остальная часть помещения скрывалась в темноте.

Дин Ланнверт шагнул мне навстречу, овеяв ароматом мужских духов. Безукоризненно вежливо протянул руку. Слава богам, запах адолеев чувствовался не так сильно на этот раз. Возможно, я просто привыкла. Но всё равно стало тревожно, и я с трудом подавила желание отступить (а лучше и вообще – убежать).

Скрывая напряжение и страх, опёрлась о его локоть, позволила подвести себя к столу.

Он усадил меня в кресло, но не спешил отодвинуться, стоял так близко, что я чувствовала жар его тела и какую-то давящую, пугающую ауру. А ещё смущал его слишком пристальный, наглый взгляд.

– Можешь идти, – сказал он горничной.

Грудную клетку сжало тугими кольцами. Так я и думала, мы будем ужинать совершенно наедине. Если он посмеет, я закричу. Я стану бороться. Я... пусть я и в полной его власти здесь, я не стану безвольной добычей.

За горничной тихо закрылась дверь.

– Расслабьтесь... Келина, – с насмешкой сказал дин Ланнверт. – Я не наброшусь на вас. Не имею привычки подбирать объедки с чужого стола.

Облегчение, смущение от того, что он угадал мои мысли, и злость на его слова смешались в моей душе. Я сжала челюсти. Нет, он не выведет меня из себя.

Но что интересно. Он перешёл на «вы» в обращении ко мне. А ведь ещё днём называл подстилкой и обращался, как с отбросами.

Выслушал рассказ своего друга? Понял, что я принадлежу к тому же слою общества, что и он сам?

– Вас действительно так зовут? – не спрашивая моих предпочтений, он наполнял мою тарелку едой. Пододвинул мисочку с супом. – Келина.

– Почему вы спрашиваете? – я отломала кусочек хлебца и стала крошить его на блюдечко, не особенно отдавая себе отчёт в том, что делаю. Голод я чувствовала, но напряжение пересиливало. Не уверена, что смогу проглотить хоть пару ложек.

– Вам не подходит это деревенское имечко. Так как же? Отвечайте на вопрос.

Я опустила глаза, промолчала. Ответила ровно:

– Вы можете звать меня так, как угодно вашему сиятельству.

Он вздёрнул брови. Выражение лица ожесточилось.

– Например, жалкой содержанкой? Постельной грелкой Рейборна? Продажной женщиной?

Молча, с прямой спиной я выслушала поток оскорблений. Пожалуйста, пусть старается. Он явно пытался вывести меня на эмоции. Надеялся, что в гневе я ляпну что-нибудь полезное?

– Если мне будет позволено спросить, – начала я тихо – и он тут же замолчал, уставился своими сверлящими пронзительными глазами. – Что случилось тогда, днём? Как... вы вернули меня?

Дин Ланнверт хищно усмехнулся. Его рука с широким запястьем, с выступающими венами, показалась в круге света и стала набирать на тарелку салат. Крупный сапфир на среднем пальце сверкнул, словно подмигивая – и я вздрогнула, когда поняла, что это не отражённый свет.

– Ты уверена, что хочешь это знать?

Давящая атмосфера стала сильнее, в ушах заныло, послышался потусторонний смех. Мне почудилось жаркое дыхание в лицо: «хочу-у... отдай её мне...», – и мир снова завертелся

вокруг, как тогда, в машине, под ногами разверзлась чёрная бездна, полная боли, отчаяния и бессилия.

– Довольно, мессир, – я прижала руку к горлу, часто и шумно дыша. – В другой раз.

– В другой раз? – повторил он насмешливым издевательским тоном. – В твоих интересах, чтобы другого раза не случилось. Не уверен, что ты перенесёшь более близкое знакомство с Фараиту. Хотя о чём это я... – он пружинисто поднялся, отодвигая кресло. Хищным неслышным шагом подошёл ко мне.

Я хотела было вскочить, отбежать, но не успела. Одной рукой, тяжёлой, как груда железа, он пригвоздил меня к креслу – а второй что было сил рванул ворот моего платья. Я вскрикнула, чувствуя, как расходится ткань.

Вцепилась в его руку, ногтями в кожу, пытаюсь отодрать его от себя, сделать ему больно. Но под моими пальцами был как будто обтянутый кожей металл, и дин Ланнверт ничуть не отреагировал. Встряхнул меня, как надоевшую куклу, рванул ещё сильнее, и ворот платья с треском разошёлся, обнажая плечо и грудь.

Стыд ожёг щёки. Я со вскриком попыталась прикрыться и замерла, обнаружив на груди, с правой стороны, над нежной выпуклостью – незнакомый тёмно-коричневый, словно выписанный хной знак.

– Боги... что это?! Что вы сделали со мной? – я с ненавистью, ещё более сильной из-за стыда и страха от собственной беспомощности, уставилась в светлые глаза.

Как... как он вообще посмел... раздеть меня и поставить это?! Воспользовался тем, что я была без сознания, и... сделал этот мерзкий знак с неизвестным предназначением. А может, он не ограничился этим, осмелился на кое-что ещё более ужасное?.. Не верю... не хочу верить.

Дин Ланнверт усмехнулся и отпустил меня. Хлопнул в ладоши, словно отряхивая с них пыль. Вернулся к своему креслу и вальяжно опустился в него. Его взгляд блестел удовлетворением и словно гладил метку и то место, на котором она стояла.

Я же полыхала гневом.

– Это не сойдёт вам с рук, – мне хотелось плюнуть ему в лицо. – Что это за метка?

Он закинул голову и расхохотался. Смеялся долго, со вкусом, кадык на широкой шее подрагивал.

Я съёжилась в кресле, придерживая рукой лоскуты ткани, горя ненавистью.

Отсмеявшись, дин Ланнверт вернул на меня пренебрежительный взгляд.

– Именно. Метка. Я тебя пометил, как своих коров. Теперь тебе не удастся улизнуть за пределы поместья.

– Что случится, если я выйду за эти пределы?

– Попробуй и узнаешь.

Я молча стиснула челюсти. Сверлила его полным гнева взглядом и размышляла. А ведь и попробую. Сомневаюсь, что это убьёт меня, и сомневаюсь, что он с такой лёгкостью потеряет игрушку, которая ему явно нравится.

Что он вообще собирается делать со мной? Если раньше я ещё надеялась, что он отпустит меня, когда поймёт, что от меня нет никакой пользы, то теперь эта надежда стала совсем иллюзорной.

Но зачем я ему?

Неужели он просто из тех людей, которым нравится издеваться над беспомощными жертвами? Я слышала о девушках, попадавших в руки маньякам... что если дин Ланнверт той же породы?

Мне стало страшно. Я была полностью в его власти, он мог сделать со мной всё, что захочет. Мог... взять силой. Мог раздеть и привязать голой на псарне. Мог замучить и убить.

Я глубоко вздохнула, не отрывая взгляда от его глаз, насмешливых и непроницаемых.

Успокойся, Тинна.

Отец непременно разыщет меня. Нужно только продержаться до того времени, вести себя тише воды ниже травы, не давать повода заподозрить меня или прицепиться.

Дин Ланнверт словно прочёл мои мысли. Откинулся в кресле и с усмешкой произнёс:

– Если ты надеешься, что Рейборн найдёт тебя, вынужден разочаровать. Это поместье полностью защищено от магического розыска. В обратном направлении это тоже действует.

Я застыла, пытаюсь скрыть потрясение. Как он провернул такую вещь? Закрывать поместье – это не накинуть защиту от поиска на украденную драгоценность или пару монет. Чтобы закрыть такую огромную территорию, нужны невероятные силы.

Невольно в душу закралось сомнение. А сможет ли мой отец что-то противопоставить дин Ланнверту, если он настолько силён?

Нет-нет, не может быть. Он блефует. Бьюсь об заклад, он поставил защиту только на меня, с помощью этой самой метки.

– Ладно, найди Келина, ешьте, ешьте. У меня прекрасная кухня.

Повинуясь, я взяла вилку. Неловко, одной рукой – другой я всё ещё придерживала разорванный ворот. Взяла только для того, чтобы не злить похитителя – аппетита у меня не было никакого. Я больше делала вид, что ем.

Через несколько минут, тишина в которых прерывалась лишь звоном столовых приборов о фарфоровую посуду, я заговорила:

– Позвольте хотя бы дать знать найди Скайнер, что я жива. Она не переживёт.

Я и впрямь тревожилась за бабушку. Она, наверное, с ума сходит. Несколько месяцев назад похоронила дочь, а тут пропала и внучка.

Дин Ланнверт расхохотался. Отложил нож и вилку.

– Лучше бы тебе самой свыкнуться с мыслью, что ты не жива. Ты отсюда никогда не выйдешь.

Он наблюдал за мной с хищной улыбкой. Ждал реакции: смущения, отчаяния, возможно, просьб о милости.

– Но зачем я вам, мессир? – спокойно возразила я, загоняя вглубь души снова поднимавшийся гнев. – Я не владею магией, не представляю собой ценности, ничего не значу. Я всего лишь провинциалка из Ордона.

Он вздёрнул широкую тёмную бровь.

– Поначалу я так и думал. Но то, как ловко ты управилась со служанкой, как хитроумно обвела вокруг пальца Арда... мне показалось, я тебя недооценил. Так что расскажи о себе, я послушаю. Давай, рассказывай, – он пригубил вино и, так как я молчала, подстегнул меня ледяным: – Или тебя заставить?

Я мысленно призвала на его голову все беды. Тоже отпила, стараясь, чтобы протянутая к бокалу рука не дрожала. Всего один глоточек, чтобы смочить пересохшее горло. И начала тихо рассказывать:

– Я родилась в Ордоне, в семье дворянина небольшого достатка, – это была ложь, я родилась в Диомее. Но мой отчим и впрямь был дворянином небольшого достатка в то время. Уже потом, женившись на матери, благодаря её поддержке, он преумножил своё состояние. – Училась в пансионе святой Массалеи. Закончила его в двадцать лет, – я искала в своей коротенькой биографии ещё какие-нибудь важные факты. – Обручена в шестнадцать... с сыном друзей нашей семьи. Мы знаем друг друга с детства.

При мысли об Айлесе я невольно улыбнулась. Дин Ланнверт резко стукнул ножом о тарелку:

– У тебя есть жених, но ты спишь с Рейборном? Он забрал тебя силой?

Я осеклась. Взметнула на него ошарашенный взгляд. О святая Миена. Он прав, наличие жениха совсем некстати. Я даже не подумала об этом.

Паника затопила сознание.

– Н-нет... То есть... – я совсем растерялась. Мне хотелось очистить образ отца, дин Ланнверт и так его ненавидит. И одновременно необходимо было соблюсти легенду, не дать проклятому магу заподозрить, что я не просто пригретая содержанка.

– Всё с тобой ясно.

Судя по тому, как налился презрением его голос, ясно ему было совсем не настоящее положение дел. Что ж, ладно... Он и так считает меня продажной женщиной. То, что я, уже обещавшись другому, якобы польстилась на деньги или положение графа Рейборна, лишь маленький штришок к образу, который уже создался у него в голове.

– Сколько тебе лет? – он стал спрашивать очень жёстко, сухим деловым тоном.

– Двадцать.

– Больше, чем я думал. Где ты встретила Рейборна?

– В Ордоне, – эту часть легенды я продумала. – Случайно. Наша семья была приглашена на бал в королевский дворец.

Дин Ланнверт не сводил с меня требовательного взгляда. Губы едва заметно кривились, как будто он с трудом сдерживал неприязнь. Я даже почувствовала обиду за гипотетическую ордонскую девушку, которая действительно могла бы встретить моего отца на приёме и полюбить его. Невзирая на свои годы, отец выглядел прекрасно и вполне мог бы привлечь внимание пусть даже моей ровесницы.

– Рейборн твой первый мужчина? – резко спросил дин Ланнверт.

Вот же!.. Наглый, не соблюдающий приличий, отвратительный человек! Хотя соблюдения каких приличий можно ждать после того, как он порвал мне платье?

Я промолчала. Опустила взгляд. Ответить на этот вопрос было невозможно. Сказать правду: я ещё не знаю мужчин – означало разрушить легенду. Но и солгать, заставить себя рассуждать о мужчинах как прожжённая куртизанка я не могла.

– Чего ты притворяешься, будто невинна? Пытаешься продать себя подороже?

Я со звоном отложила вилку. Устремила на собеседника ледяной взгляд:

– Спасибо, благородный нейд, я сыта. Позвольте удалиться.

Не дожидаясь, поднялась. Быстрым шагом направилась к двери, но за спиной раздался шум, и за талию меня перехватила сильная рука. Нахлынул запах адолеев, закружил голову.

Дин Ланнверт грубо повернул меня к себе лицом. Я испугалась, сердце билось, казалось, во всём теле, будоража кровь, путая мысли. Уставилась в его искажённое гневом лицо.

– Ты уйдёшь не раньше, чем я тебе это позволю, – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

В глазах у него плясало безумие. Жар его тела, страх, ненависть и этот безумный взгляд меня словно заморозили. Я замерла, как маленький зверёк в объятиях удава. Руки, стиснувшие меня, казались кольцами змеиного тела.

Он задушит меня. Или сломает мне рёбра. Почему он так зол? Его глаза были совсем близко, и я вдруг заметила, что зрачки в них пульсировали: то сходились в маленькие точки, то расходились большими чёрными зеркалами, в которых я видела своё испуганное лицо.

– Отпустите меня... пожалуйста.

Он вздрогнул. Глаза сфокусировались, возвращаясь в нормальное состояние. Дин Ланнверт склонился ко мне совсем вплотную, провёл носом вдоль щеки, почти касаясь. Я старалась не дышать, от него можно было ждать чего угодно. От того, что он вцепится мне в горло невесть откуда взявшимися клыками, до... до того, что поцелует. Я видела желание в его глазах, всё его жёсткое твёрдое тело горело желанием.

– Как вкусно ты пахнешь... маленькая куртизанка, – медленно, зловеще сказал он. – Скажи, это какая-то уловка? Пытаешься очаровать меня, да? Напрасно.

Вместе с последним словом он грубо отшвырнул меня. Повернулся на каблуках и бросил свысока:

– Я не покупаюсь на грязных девок. Пошла прочь.

Второе приглашение мне не понадобилось. Я добралась до двери, и тут что-то дёрнуло меня обернуться.

Дин Ланнверт стоял у стола и пил вино прямо из бутылки. Его широкая спина почему-то вызвала во мне жгучий гнев. Стоит себе, пьёт! Вальяжный, самодовольный, грубый... привыкший считать, что всегда прав!

И я не выдержала:

– Это ещё кто тут грязнее... не тот ли, кто держит в плену беззащитную девушку?

– Что? – зарычал он и повернулся.

Не дожидаясь продолжения, я выскользнула и кинулась бежать. Топот собственных ног заглушал всё, я вот-вот ждала, что дин Ланнверт меня нагонит, паника затопляла сознание, и я не сразу услышала женский голос:

– Нейди, нейди!..

Я не без опаски остановилась.

За мной бежала горничная. Догнала, поспешно поклонилась:

– Позвольте, я провожу вас.

Я кивнула. Напряжённым взглядом обшарила коридор. Слава богам, судя по всему, дин Ланнверт в погоню не кинулся.

Дальше мы шли уже спокойнее. Я невольно возвращалась мыслями к произошедшему. Поведение дин Ланнверта, его отвратительные слова, грубые руки... это было ужасно! И его жёсткие губы совсем рядом с моим лицом... так, что я даже увидела небольшую складочку справа. Именно она делает его ухмылку такой демонической.

Что хуже всего... тогда, в запале, я даже не сообразила, но теперь, вспоминая, заново ощущала – то дикое, безумное желание, когда мне вдруг захотелось податься вперёд и попробовать эти губы на вкус.

Святая Миена... Это какое-то помутнение рассудка. Во всём виноваты полумрак, уединение и тот глоток вина. Он затуманил мой разум. Или дин Ланнверт всё же влияет на меня? Он вполне на это способен. Чтобы его побрала та демонская бездна, из которой он выскочил!

Горничная довела меня до отведённой мне комнаты, откланялась и оставила одну. Я проверила дверь после её ухода: было не заперто. Что ж, дин Ланнверт и впрямь отпустил поводок... хотя бы на территорию поместья. Завтра проверим, как это работает.

А сейчас – я заперла дверь изнутри. Достала из рукава прихваченное блюдо и изо всех сил ударила его о пол. Покопалась среди осколков, выбирая подходящий, покачала головой. Бокал был бы лучше, но бокал я бы не вынесла незаметно.

Выбрав из осколков самый большой и острый, я полоснула им по руке.

Зашипела от боли, осторожно отложила осколок в сторону. Полюбовалась, как набухают мелкие алые капли на белой коже. Нажала, чтобы кровь выступила сильнее. Вот так. Ещё немножечко.

Ритуалу связи по крови отец научил меня, когда мне исполнилось девять лет. С его помощью можно связаться с ближайшим по крови родственником, чей образ ты держишь в уме: отец, мать, братья и сёстры. Что в этом ритуале лучше всего – так это то, что для него не нужно ничего, кроме собственно крови. Она сама посылает зов по праву родства.

Когда отец обучал меня, он, наверное, как раз и предполагал что-то вроде похищения. Но в детстве боги миловали, отец тщательно прятал нас с матерью.

Кто бы мог сказать, что это знание пригодится мне через одиннадцать лет.

Я опёрлась спиной о спинку кровати. Закрыла глаза, сосредоточившись. Пальцами другой, не раненой руки, коснулась кровавых капелек.

Отец... высокий, с ранней сединой, со спокойным взглядом голубых глаз. Сильный и надёжный, очень умный и талантливый. Если окружающим он внушал ужас и благоговение

– то мне лишь искреннюю любовь. И он всегда был добр ко мне, баловал, ласкал, защищал. Воспитывал, всегда обращаясь как с равной.

Я до сих пор не знала, почему они с матерью расстались, почему он дал ей развод. И почему так ни разу и не нашёл меня, не прислал ни одного письма. Даже если пытался обезопасить меня этим – маг такого уровня, как Хранитель Хрустального жезла Диомеи, вполне мог бы найти способ связаться без того, чтобы это стало кому-либо известно.

Я изо всех сил воскрешала перед внутренним взором его образ, но через полчаса тщетных попыток была вынуждена признать поражение. Ответом на мой зов была лишь глухая тьма, невидимая стена, в которую я билась, как пойманная птица.

Я открыла глаза. Посмотрела на подсохшую царапину.

Что ж, стоит признать, возможно, дин Ланнверт не обманул меня. Поместье и впрямь полностью экранировано.

Но это не означает, что я сдамся.

***

Как ни странно, спала я этой ночью совершенно безмятежно. Проснувшись от солнечных лучей, потянулась в постели и поначалу не поняла, где нахожусь. Потом уже нахлынули воспоминания: похищение, попытка бежать, ужин вместе с дин Ланнвертом, его жёсткие руки на моей талии...

Привычно послав ему проклятие, я поднялась. Отведённая мне гостевая комната была совмещена с небольшой ванной без окон, так что я с удовольствием отдалась утренним процедурам.

А вернувшись в комнату, застала мявщую на пороге горничную.

– Доброе утро, нейди, – поклонилась та. – Позвольте проводить вас на завтрак.

Завтрак? Опять наедине с дин Ланнвертом? Опять выслушивать оскорбления? У меня и вчера-то кусок в горло не лез.

– В покоях мессира? – уточнила я.

Сомневаюсь, что у меня есть право отказаться, но я была полна решимости хотя бы попробовать.

– В малой столовой, нейди.

Хм. Если в столовой, то можно и пойти. Я была ужасно голодна.

И тут я вспомнила, что моё единственное платье порвано так, что в нём никак нельзя появиться.

– Скажи... – обратилась я к девушке и замялась, понимая, что не знаю её имени. – Как тебя зовут?

– Нея Гирамс, нейди, – она снова поклонилась.

– Скажи, Нея, ты можешь принести мне иглу и нитки? Я вчера... очень неудачно зацепилась.

Горничная ничем не показала, что удивлена:

– Конечно, нейди.

Когда дверь за ней закрылась, я вздохнула с облегчением. Сейчас она принесёт швейные принадлежности, я приведу в платье в порядок... хотя рано или поздно мне всё равно придётся задуматься над гардеробом, нельзя несколько дней подряд не менять его. И особенно нижнее бельё.

Но вряд ли дин Ланнверт позволит мне съездить домой за одеждой. И вряд ли здесь есть женские вещи – разве что он предложит мне платье служанки. Я представила себя в тусклом тёмно-сером наряде и приуныла.

Ждать пришлось недолго. Я вертелась перед зеркалом, прикидывая, как удачнее всего зашить разрыв, когда в коридоре послышались шаги. Вот только они были тяжёлыми, размеренными, мужскими.

Я напряглась, прикрыла грудь. Встала вполоборота к двери. Она растворилась, и я с замиранием сердца увидела, что предчувствие сбылось. На пороге стоял дин Ланнверт – в нежно-бирюзовой рубашке, хорошо оттенявшей его светлые волосы, бежевых брюках и высоких сапогах.

Я некстати подумала, что уж он сам недостатка в гардеробе явно не испытывает. Вон, и переоделся, и шейный платок навязал. И вообще выглядит отвратительно свежо.

Дин Ланнверт опёрся плечом о косяк и с пару минут молча меня разглядывал. Лицо его было непроницаемо, но на губах плясала кривая усмешка.

Наконец он сказал, насмешливо вздёрнув бровь:

– Уже раздаёшь слугам указания? Быстро же ты освоилась.

Я вспыхнула. Всего-то попросила иглу с ниткой, а этот!.. И горничная хороша, нет чтобы молча принести требуемое – так полетела к хозяину докладываться.

– После того как вы, нейд, посмели порвать мне одежду, – я с вызовом уставилась в высокомерное лицо, – мне кажется, вы могли бы и сами озаботиться моим гардеробом. Или вы желаете, чтобы я разгуливала по вашему поместью голой?

Он сверкнул глазами, стиснул зубы. Шагнул ко мне и схватил за плечи.

– Ты моя пленница, – яростно выдохнул мне в лицо. – Если я захочу, чтобы ты ходила голой, ты будешь ходить голой. Я вообще могу сделать с тобой что захочу. Помни об этом, – он тряхнул меня.

Я сжала кулаки, кипя ненавистью:

– О да, можете, насколько это позволяет вам ваша подлая натура!

Он снова тряхнул меня, потом вдруг ощерился:

– А мышка попалась ершистая. Как будет славно укротить твой острый язычок, – он приподнял меня за плечи так, что я замерла, едва касаясь пола самыми носочками.

Хотела было крикнуть, чтобы отпустил меня, но его лицо оказалось так близко, дыхание опалило кожу, и у меня внутри всё судорожно замерло, сердце забилося бешеным набатом. Глаза дин Ланнверта потемнели, опустились на мои губы.

Я представила, как он целует меня – он это имел в виду под «укротить язычок»? – и где-то в животе, словно отвечая воображению, сладко заныло. Я отвернулась, зажмурилась:

– Пустите!

Дин Ланнверт вздрогнул. Отпустил меня так резко, как будто вдруг осознал, что сжимает в объятиях ядовитую кобру.

– Что ты себе вообразила, жалкая дешёвка?!

Он был разъярён, глаза метали молнии. Я выпрямилась, чувствуя, что зла не меньше.

– Извольте не прикасаться ко мне, – отчеканила с совершенно отцовскими интонациями.

Дин Ланнверт чуть не зарычал. Он был похож на тигра в клетке. Сжимал кулаки и разжимал, сверля меня пронзительным взглядом. Он как будто сам не понимал, что с ним творится.

Наконец, не произнеся больше ни слова, повернулся на каблуках и вышел. Послышался чеканный ритм его удаляющихся шагов.

Я выдохнула, без сил опускаясь на пуфик перед туалетным столиком.

Что это было? Почему он так странно ведёт себя? То насмехается, то позволяет себе лишнее, то бушует и злится так, что мне становится страшно за свою жизнь. Эта неуравновешенность... такое ощущение, что он не в силах противостоять тёмным силам.

Понимание ударило меня, заставило задохнуться.

Ну да, так и есть.

То, что служит ему – оно постепенно раскачивает его разум. И если он не справится с этим – в один прекрасный день оно овладеет им полностью.

Маг такой силы под властью демона...

Я содрогнулась. Он не оставит от города камня на камне. Разумеется, король созовёт всех магов, моего отца – самым первым. Но... сумеют ли обуздать дин Ланнверта, если он окончательно попадёт под влияние тёмных сил?

Зачем он вообще связался с ними? Отец не раз твердил о том, как это опасно. Неужели дин Ланнверт не знал, что цена может оказаться непомерной?

Или знал, но есть что-то ценнее для него, чем собственный разум и свободная воля? Что это, что он хочет с такой силой получить?

Неужели это смерть моего отца? За что же он так его ненавидит?

Не прошло и пяти минут после его ухода, как в дверь тихо поскреблись. Я разрешила войти. Это оказалась горничная Нея. Она притащила швейный набор.

– Если нейди будет угодно, – смущённо пряча глаза, сказала Нея, – я неплохо шью. Позвольте помочь вам.

Я сдвинула брови. Пытается загладить неловкость? Зачем бы ей это.

Всё объяснилось, когда Нея, поклонившись, произнесла:

– Его сиятельство велел, чтобы с сегодняшнего дня я вам прислуживала. Я ваша личная горничная.

Вот оно что. Дин Ланнверт, значит, решил приставить ко мне шпионку. Что ж, ладно.

Личная горничная... у меня никогда её не было. В доме отчима у нас прислуживали только две девушки. Правда, старшую горничную девушкой можно было назвать только с большой натяжкой. А когда я жила в замке отца, то была слишком мала для того, чтобы иметь личную горничную или камеристку.

– Спасибо, я сама, – улыбнулась я ей. Она не виновата, что ей приходится служить такому самодуру, как дин Ланнверт.

– Как изволите, ваша милость.

Показав, где находится звонок для вызова прислуги, Нея удалилась – а я засела за шитьё. Хотелось поскорее покончить с этим, пока снова не явился дин Ланнверт. В том, что он появится, я почему-то не сомневалась.

Вышло у меня довольно прилично. Я снова оделась, мысленно посетовав на то, что уже второй день не могу сменить ни платье, ни бельё. Подошла к окну и принялась изучать охранные чары. Судя по расстоянию до земли – и по лестничным пролётам, которые я преодолевала вчера, – я нахожусь на третьем или четвёртом этаже. Слишком высоко, чтобы спрыгнуть, даже если я пойму, как снимается защита.

Голод мешал сосредоточиться. Я даже начала подумывать о том, чтобы вызвать Нею и попросить её принести мне чего-нибудь. Или самой явиться в столовую?

Может, я так и поступила бы, но раньше за мной прислали лакея. Пожав плечами, я решила не упираться.

Что стало для меня настоящей неожиданностью – так это то, что за столом сидели пятеро мужчин. Я даже замешкалась на пороге, обводя взглядом их лица. Первым увидела, естественно, дин Ланнверта, он развалился в кресле во главе стола, в том же наряде, в котором заходил ко мне. По левую руку от него сидел уже знакомый мне Койоха, а рядом с ним – мужчина в тёмно-зелёном костюме, с тёмно-русыми волосами и узким лицом со впавшими скулами. Напротив же, с другой стороны стола, тёмными силуэтами на фоне залитых солнцем окон располагались двое... Широкоплечие, с приветливыми улыбками, золотисто-пшеничными кудрями – и совершенно одинаковыми лицами. Близнецы.

Я сделала книксен, а дин Ланнверт громко объявил:

– Ну наконец-то! Вы заставили нас подождать, нейди Келина. Садитесь же.

По всей видимости, мне отводилось место как раз напротив дин Ланнверта. С одной стороны, это было хорошо: не рядом и мне не придётся с ним разговаривать. С другой – довольно двусмысленно. В обычных домах это место занимает супруга хозяина.

Я безмолвно последовала его однозначному кивку.

Дин Ланнверт дождался, пока я сяду, и саркастическим тоном сказал:

– Позвольте представить вам мою... гостью.

При этих словах мужчины переглянулись, на их лицах появились ухмылки. Я невольно вспыхнула: что такое он рассказал им обо мне? Небось, выставил содержанкой и куртизанкой, унизил как мог.

– Нейди Келина...? – интонация дин Ланнверта показывала, что он хочет услышать мою фамилию.

Много хочет.

– Просто Келина, – спокойно ответила я.

Смутить его не удалось. Он тем же громким издевательским тоном огласил:

– Нейди Келина Без Фамилии. Прошу любить и жаловать.

Тут уж мужчины рассмеялись вслух. Один лишь дин Койоха оставался серьёзным. Бро-сил мне подбадривающий взгляд – по крайней мере именно так я восприняла его и с благодарностью улыбнулась в ответ.

Внесли блюда, запахло жареными овощами и мясом, кукурузным супом и свежими булочками. Я украдкой сглотнула слюну и, чуть только слуги убрались, принялась без стеснения уничтожать еду.

К счастью, особо меня не беспокоили. Дин Ланнверт разговаривал вполголоса с дин Койохой, мужчина в тёмно-зелёном ел, тщательно пережёвывая пищу, и только близнецы по мою левую руку перешёптывались и пересмеивались, кидали на меня насмешливо-шкодные взгляды.

– Нейди Келина, – наконец спросил один из них, – сколько вам лет?

– Двадцать, – спокойно ответила я.

Тут же вмешался другой:

– И сколько из них вы... ну... – он крутанул рукой, – занимаетесь этим ремеслом? – слишком наглый взгляд опустил мне на грудь, а потом снова вернулся на лицо.

Я притворилась, что поглощена пережёвыванием.

Ладно один дин Ланнверт. К его задирианиям я уже привыкла. Но стать мишенью пятерых – это уже слишком.

Но я даже не успела придумать, как осадить его – дин Койоха окликнул чересчур бесцеремонного близнеца:

– Мейнор. Не забывай о приличиях.

– Но ведь...

Дин Койоха предостерегающе мотнул головой, и тот замолчал. И второй, его близнец, тоже замолчал, вгрызся в куриную ножку.

Зато поднял голову тот, кто сидел справа от меня, тёмно-зелёный. Мне не понравился его взгляд: сверлящий и развязный. Слизнув с губ жир, мужчина вдруг фамильярно подмигнул.

Я отвела взгляд, притворившись, что не заметила. И заледенела, почувствовав, как кто-то касается моей ноги под столом. Судя по всему, тоже ногой, так как руки все держали в пределах видимости.

Кто-то поднял под столом ногу и осмелился гладить ступнёй мои бёдра, пытаясь нагло раскрыть колени, влезть между ними и дотронуться до самого сокровенного.

Я резко отодвинулась вместе со стулом. Нога исчезла, но из-за скатерти я даже не заметила, кому она принадлежала.

– Что случилось, нейди Келина? Что-то уронили? – раздался издевательский голос дин Ланнверта.

– Всё хорошо, мессир, – ледяным тоном ответила я. – Мне показалось, под стол забралась собака и потянула меня за юбку.

– Собака! – прыснул один из близнецов. – Это в какой деревне в обеденный зал пускают собак?

– Вам, должно быть, не привыкать, что кто-то пытается снять с вас юбку! – и дин Ланнверт не преминул показать своё остроумие. Его приближённые угодливо заржали. Именно заржали, громким конским гоготом.

– Сейдж, – дин Койоха снова укоризненно одёрнул друга – на этот раз дин Ланнверта.

Я снова придвинулась к столу, только сжала в руке вилку и продолжила молча есть. Если кто-то ещё раз полезет, просто незаметно опущу руку под стол и всажу в него вилку, там и посмотрим, кто это такой шустрый.

А вообще – надо скорее покончить с завтраком и уйти в свою комнату. В следующий раз попрошу накрыть мне там.

Долго поесть в тишине мне не дали.

– Нейди Келина, – один из близнецов приник к столу, пытаясь снизу вверх заглянуть мне в лицо. На губах была ухмылочка. – Вы настолько бедны, что приходится носить штопаные платья?

Заметил-таки. Я через весь стол посмотрела на дин Ланнверта. Он наверняка расслышал, но это ничуть его не смутило. Вон, облокотился о ручку кресла и ждёт, что я отвечу.

– К сожалению, мне не дали времени собрать вещи, – пустила я шпильку в его адрес. – Приходится очень бережно обращаться с платьем, оно у меня единственное.

Близнец, кажется, Мейнор, живо повернул голову в сторону Ланнверта.

– Серьёзно, Сейдж? Купи девушке пару платьев, скупец.

Я думала, тот снова отвесит дурацкую шуточку, но маг лишь лениво кивнул дин Койохе:

– Ард, займись.

– Отвезти её в город? – удивился тот.

– Ты что, болван? Привези ей портниху или купи пару тряпок в магазине готового платья.

– А... Хорошо.

Я постаралась не подать виду, но сердце подпрыгнуло. Неужели! В кои-то веки! И хотя подобная забота свидетельствовала о том, что дин Ланнверт и впрямь не намеревается меня отпускать, я всё равно почувствовала благодарность. По крайней мере, мне не придётся ходить в одном и том же или просить платье у служанки.

Оставшееся время завтрака прошло, слава богам, без инцидентов. Близнецы периодически закидывали меня каверзными вопросами, я довольно умело их парировала, дин Ланнверт посматривал в мою сторону, но, к счастью, не заговаривал. А дин Койоха каждый раз, когда наши глаза встречались, подбадривающе улыбался.

Сразу после десерта, я, скороговоркой пробормотав что-то похожее на «спасибо, было очень вкусно, а теперь я вынуждена вас покинуть», – быстро удалилась. Дин Ланнверту это, кажется, не понравилось, но он не сделал попытки удержать меня.

Мне казалось, я знаю обратную дорогу, но, свернув несколько раз, я поняла, что заблудилась. Упрямство – и врождённое любопытство – не позволили сдать сразу, и я некоторое время кралась по незнакомым коридорам, с интересом заглядывая в комнаты. Потом забрела в тупик, пришлось вернуться и идти обратной дорогой.

И, свернув в очередной раз, я наткнулась на идущего навстречу узколицего нейда в тёмно-зелёном костюме. Того самого, что сидел справа от меня за завтраком.

Я собиралась просто кивнуть и пройти мимо, но нейд вдруг ощерился и кинулся мне навстречу. Я не успела и вскрикнуть, как он прижал меня к стене.

– Какая милая маленькая цыпочка гуляет тут одна, – задышал он мне в лицо, ухмыляясь.

Я настолько не ожидала этого, настолько была ошеломлена, что не сразу отреагировала, когда он осмелился дотронуться до моей груди.

Зато наконец поняла – это он тот негодяй, что трогал меня за столом. Я и тогда уже подумала, что это не один из близнецов. Хоть они и издевались, и зубоскалили, мне показалось, они делали это не из природной злобности, а из простого легкомыслия. Тоже, конечно, нехорошо, но я не могла держать на них зла. Они напомнили мне братьев подруги из пансиона, те тоже постоянно подтрунивали и подначивали нас.

– Не смейте прикасаться ко мне! – я оттолкнула его, собрав все силы. Передёрнулась от гадливости. – Не знаю, что вам сказал дин Ланнверт, но я вам не куртизанка!

На его лице и тени сомнения не появилось. Напротив, улыбка стала сильнее.

– А я знаю, цыпочка, – гадливо ухмыляясь, сказал он. – Я знаю. И твой секрет я тоже знаю.

Пользуясь тем, что я окаменела от изумления и ужаса, он снова приблизился. Я попятилась, упираясь лопатками в стену, он нагнал меня и шепнул тихо-тихо:

– Тинна эс-Рейборн.

Сердце на миг остановилось, а потом зачастило, как с цепи сорвавшись. В ушах зазвенело, словно пожарный набат. Я видела полные злорадного торжества карие глаза напротив.

Он и вправду знает. Как, откуда? Что за демон помог ему добыть эти сведения? И как он собирается ими распорядиться?

Ответ на этот вопрос был дан незамедлительно.

– Не хочешь, чтобы об этом узнал дин Ланнверт, веди себя хорошо, цыпочка, – жарко шепнул нейд, положил руки мне на талию и попытался притянуть к себе.

Его лицо оказалось совсем рядом. Я отвернулась, чтобы избежать поцелуя. Сердце всё ещё яростно билось, разум был поглощён единственной мыслью: как заставить его молчать, как сделать так, чтобы он не сказал дин Ланнверту? Только когда чужие губы скользнули по щеке, я пришла в себя и принялась отчаянно отбиваться:

– Прекратите! Перестаньте!

Но сопротивление было тщетным. Он зажал мои руки, пригвоздил к стене собственным телом и пытался поцеловать. Я извивалась изо всех сил, но это только распаляло его.

Не знаю, до чего он дошёл бы, но вдруг неведомая сила оторвала его от меня и отбросила в сторону.

Я тут же метнулась прочь и замерла в отдалении, брезгливо утирая те места, которых коснулись чужие губы, дрожа от негодования и отчаянной злости. И тут услышала чёткий, с явными нотками гнева голос дин Ланнверта:

– Не распускай руки, Гнес!

Я обернулась. В коридоре и впрямь стоял дин Ланнверт, и выглядел он невероятно злым. Желваки ходили на скулах, грудь мощно вздымалась, руки были сжаты в кулаки. Напавший на меня нейд, напротив, съёжился от страха и закрывал лицо, будто ожидал, что дин Ланнверт сейчас набросится на него.

Но тот лишь повернулся ко мне и спокойно сказал:

– Иди к себе.

Я приподняла юбки, собираясь кинуться бегом, так сильно мне хотелось скорее покинуть это место.

Тут названный Гнесом нейд подал голос:

– Ты же сам сказал, она продажная!

Дин Ланнверт ответил ледяным тоном:

– Здесь она не для этого. Если ещё раз посмеешь коснуться её – если она хоть раз на тебя пожалуется, пеняй на себя. Это последнее предупреждение.

Нейд метнул на меня злобный взгляд. Я бы торжествовала, если бы не зловещее обещание в его глазах. В разуме снова пронеслись те слова: «Не хочешь, чтобы об этом узнал дин Ланнверт, веди себя хорошо».

Сам дин Ланнверт тоже повернулся, словно недоумевая, почему я до сих пор здесь, и я, сделал небрежный книксен, поспешила уйти.

По коридору бежала, задыхаясь. Не от быстрого шага – от переполняющих чувств.

Это конец. Если я не найду способа заставить этого Гнеса замолчать, это конец. Вопрос времени, когда он выложит всё дин Ланнверту. Что будет тогда, мне страшно представить.

Это сейчас, когда они считают, что я всего лишь содержанка, они не торопятся шантажировать отца. Думают, что это бессмысленно. Но стоит им узнать, что я его дочь...

Я стану козырем для того, чтобы заставить моего бедного отца поступать так, как им угодно. Он часто называл меня своим сердцем – и это сердце окажется в руках врагов. Что если в обмен на мою жизнь они потребуют от него уйти с должности Хранителя, отдать Хрустальный Жезл? Или им нужно его состояние? Или, что хуже всего, они охотятся за его головой?

Дин Ланнверт уже угрожал мне использовать амулет подчинения.

Нет, если моё настоящее имя раскроется, мне лучше умереть. Хотя это тоже убьёт отца, может быть, даже вернее, чем пуля в сердце.

Боги Авендаса, что же мне делать? Тот негодяй будет шантажировать меня, пока не добьётся своего. А потом всё равно расскажет дин Ланнверту, ибо что его остановит? Такие люди не имеют чести.

Но что я могу? Убить его?

Пару часов я металась по своей комнате, как по клетке, лихорадочно перебирая способы воздействия. Убить Гнеса было бы, конечно, самым надёжным, но я совсем не была уверена, что смогу убить человека. Я даже насекомых старалась не убивать, ловила и отпускала – кроме совсем уж отвратительных огромных рыжих тараканов, как-то расплодившихся в общежитии пансионата. А тут человек – пусть по отвращению, которое он во мне вызывает, Гнес ничуть не лучше таракана, но всё же... Я боялась, у меня не хватит душевных сил хладнокровно лишить его жизни.

Кроме того, у меня не было и оружия.

В одном из подаренных отцом перстней было сильнодействующее заклинание сна, я могла бы усилить его настолько, что сон стал бы вечным – но перстни отобрали у меня вместе со всеми другими украшениями и заклинаниями.

Всё остальное, чем я могла бы воспользоваться – это вилки и тупые столовые ножи, осколки фарфоровой посуды, оконное стекло... вряд ли этим можно убить взрослого сильного мужчину. Да и при мысли о том, что придётся всадить кусок стекла или вилку в чужое горло или глазицу, мне становилось нехорошо.

Моё уединение прервал тихий стук. Я решила, что это Нея, и, не оборачиваясь, крикнула: – Войдите.

Но вместо звонкого голоса Неи я услышала сдержанный низкий мужской:

– Прошу прощения за вторжение. Я привёз вам портниху.

Я обернулась, с радостью встретив приветливый взгляд чёрных глаз. Дин Койоха слегка кивнул, как старой знакомой, и посторонился, пропуская средних лет даму в роскошном коричневом платье. За дамой прошмыгнули две помощницы, одетые похоже, но куда скромнее.

– Модный дом мадам Болевию, – отрекомендовал даму дин Койоха. – И его основательница и бессменная глава мадам Болевию собственной персоной.

– К вашим услугам, нейди, – кивнула та. Она говорила с небольшим прононсом, свойственным уроженцам Линдии, а Линдия, и особенно столица её, блистательный Сирап, являлись признанными законодателями моды.

Я присела в вежливом поклоне, скрывая удивление.

А дин Ланнверт не поскупился. Или это всё дин Койоха? Судя по поведению дамы, по её богатому наряду, по тому, что она явилась аж с двумя белошвейками, дом мадам Болевию был явно не последним в городе.

Следуя приказам хозяйки, помощницы сноровисто расставили ширму, на которую повесили портняжный измеритель, несколько видов ткани, специальные сумки с инструментами и разные другие вещи.

Дин Койоха хотел было откланяться, но мне пришла в голову одна мысль, и я предложила ему сесть к ширме спиной, оставаясь в комнате. Я хотела расспросить его, пользуясь суматохой.

Но первые минут двадцать ни одного вопроса задать не вышло, меня сноровисто раздели, измерили, мерки записали, расспросили о предпочтениях в ткани, тут же бесцеремонно рекомендовали шифон, шёлк и крепдешин.

Я только и знала, что кивать под градом этих рекомендаций, чувствуя себя по-настоящему провинциалкой из Ордона.

Наконец, когда мадам углубилась со своими помощницами в бурное обсуждение, пересыпаемое неизвестными мне словами и из-за этого походившее на какой-то магический речитатив, я высунулась из-за ширмы с намерением задать дин Койохе пару вопросов.

Всё было бы хорошо, если бы дин Койоха в этот момент случайно не повернул голову. Он замер с раскрытым ртом, забыв, что хотел сказать. Взгляд впился в мои обнажённые плечи.

Я тоже смутилась из-за двусмысленного положения, но посчитала ниже своего достоинства немедленно прятаться. В конце концов на приёмах надевают и более открытые платья, и мне нечего было стыдиться собственной кожи. Мама всегда хвалила её, называла золотистым яблочком.

Да и Айлесу очень нравилось, когда я носила платья с открытыми плечами. Правда, меня слегка пугало то, что взгляд у него становился мечтательно-туманный, и он то и дело пытался дотронуться до меня.

Сейчас примерно такой же взгляд был у дин Койохи, но этому я обрадовалась. Мне был крайне необходим хоть один доброжелатель в этом доме, и я была уверена, что дин Койоха, в отличие от Гнеса, человек чести и не посмеет распускать руки. И тем не менее от смущения кровь прилила к лицу.

– Я хотела спросить, – я приложила все усилия, чтобы голос звучал как ни в чём не бывало, – у вас не найдётся сегодня немного времени для прогулки со мной? По поместью, конечно.

– Конечно, к вашим услугам, – ответил он лишь с небольшим промедлением.

– Замечательно, – вот и расспрошу его наедине. – А...

Не успев закончить, я увидела в глубине распахнутой двери в комнату дин Ланнверта, стоящего сложив на груди руки и сверлящего меня мрачным взглядом. Осеклась на полуслове, поспешно нырнула обратно за ширму, чувствуя, как сердце заходится в бешеном стуке. Что он тут делает?! Зачем опять пожаловал, выводить меня из себя?

Всё внутри смёрзлось в ледяной ком в предчувствии его издевательского голоса. Вспомнились мерзкие шуточки, что он отвешивал утром. А потом вдруг то, как защитил меня от Гнеса. Может, пришёл извиниться за него?

Хотя нет, это совершенно невероятно.

Я прислушалась, но кроме щебета белошвеек и густого голоса мадам Болею ничего не услышала. Осторожно выглянула. Дин Койоха гипнотизировал носки своих сапог, а в коридоре уже никого не было.

Странно.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоить разбушевавшееся сердце. Меня взбудоражил этот визит.

Дин Ланнверт выглядел... не то чтобы злым, но очень недовольным. Но он вроде бы не из тех людей, кто стесняется озвучить причину своего недовольства. Неужели дело в присутствии дин Койохи в моей комнате? Неужели дин Ланнверт... ревнует?

Меня кинуло в жар.

Нет-нет-нет, это невозможно. Я всего третий день здесь. Скорее, он беспокоится, чтобы его друг не попал под моё влияние.

Но тут вдруг вспомнился тот вечер, его «маленькая куртизаночка... пытаешься очаровать меня?». И сила, с которой он рванул мой ворот – совершенно звериная, необузданная. Он весь сам как необузданный дикий зверь – не знаешь, что выкинет в следующий миг.

Ноги у меня вдруг ослабели, и я поспешно присела на подоконник. Обмахнулась рукой. Мне было так жарко, как будто под кожей плясал огонь. Проклятый дин Ланнверт, со своими безумными поступками и насмешками.

– Вам дурно, нейди? – забеспокоилась одна из белошвеек. – Проводить вас в туалетную комнату?

Я поначалу хотела было отказаться, а потом сообразила: это же прекрасный шанс. Кивнула, и девушка старательно подставила плечо.

Ширма очень удачно загораживала дверь ванной комнаты, так что дин Койоха даже не поймёт, что мы с одной из девушек куда-то подевались. Я поплескала в лицо воды, делая вид, что мне всё ещё нехорошо. Присела на бортик роскошной ванны.

– Скажите, вы же приедете снова? – спросила у девушки. – Одним снятием мерок ведь не обойтись?

– Конечно, нейди. Приедем, как только платья будут готовы для примерки. Если вы пожелаете, вы также можете навестить салон в городе.

Сомневаюсь, что мне позволят выбраться в город. Но я кивнула. Взяла девушку за руку – у неё оказались тоненькие, но с очень грубой кожей, истыканные иголкой пальцы – и про-никновенно сказала:

– Прошу вас, передайте весточку одной пожилой нейди. Она щедро отблагодарит вас. Скажите, что её внучка жива, здорова и в полной безопасности. Не надо искать её.

Я специально подбирала такие обтекаемые, с намёком на тайну фразы. Любая романтически настроенная девушка моего возраста вообразит побег из дома вместе с неугодным родным мужчиной. Мне даже было всё равно, кого именно она вообразит моим женихом, дин Койоху или дин Ланнверта. Я только понимала, что должна использовать этот шанс.

Дин Ланнверт сильно просчитался, позволив привезти сюда портниху.

– О-о... – девушка сжала мои пальцы в ответ. – Конечно, нейди. Я всё понимаю. Извольте только сказать адрес, и я сама съезжу передам весть.

Она была восхищена, немного шокирована и чрезвычайно взволнована, как будто сама сбежала из дома.

– Спасибо, дорогая, – от избытка чувств я обняла её. Смутно пожалела, что нет бумаги и чернил. С другой стороны, словесную весть никто никогда не перехватит.

Ещё было жаль, что я не могла дать ей денег – у меня не было с собой ни гроша, когда меня похитили. Но любопытство и желание прикоснуться к чужой сердечной тайне должны сработать не хуже.

Мы вышли вместе, но на этот раз белошвейка тихо вздыхала и бросала в мою сторону мечтательные взгляды. Бьюсь об заклад, ей бы очень хотелось услышать все подробности нашего побега, нашей встречи, нашей не одобряемой родственниками любви... Я лишь загадочно и немного смущённо улыбалась в ответ.

Сняв с меня нужные мерки, выбрав ткань и фасон, договорившись о дне следующего визита, представительницы модного дома мадам Болевию откланялись. Некоторое время после их ухода мне хотелось танцевать.

Если всё пойдёт так, как нужно, скоро бабушка будет знать, что я жива. А там уже, если она переборет неприязнь и передаст все сведения отцу, он непременно найдёт посланницу и сам модный дом. Оттуда уже рукой подать до поместья дин Ланнверта. Как бы он ни постарался закрыть свой дом от магического поиска – от физического закрыть был всё же не в силах.

Кроме возможности передать весть, меня почти так же сильно обрадовало то, что у мадам Болевию оказалось с собой несколько комплектов готового нижнего белья. Выяснилось, она слышала, что весь мой гардероб пропал, и подумала, что такого рода вещи не помешают. Я с радостью согласилась, а дин Койоха, старательно скрывая смущение, которое в нём вызвал разговор о таких деликатных предметах, незамедлительно всё оплатил.

Так что, когда дин Койоха вернулся, чтобы предложить мне своё общество для прогулки, я была чиста, свежа и цвела, как майская роза.

Мы гуляли по саду, я опиралась на его руку и купалась в его восхищённых взглядах. Если поначалу я преследовала исключительно деловую цель: выяснить нужную информацию, то постепенно под этим взглядом я совсем расслабилась и просто наслаждалась прогулкой: цветущей зеленью, журчащим, рассыпающимся на солнце радужными струями фонтаном, птичьим щебетом. Я почти забыла, что нахожусь в плену, мне казалось, будто я снова очутилась в Ордоне.

Мне давно не приходилось ощущать на себе таких восхищённых и одновременно целомудренных взглядов.

Айлес когда-то тоже смотрел так. А потом по-другому, жадно, требовательно, с каким-то внутренним затаённым напряжением. Настаивал, чтобы мы скорее поженились. Я, в принципе, не возражала, но хотела, чтобы мама могла присутствовать... в полном здравии. А вышло так, как вышло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.